

16 декабря. Анадырь

Здравствуйте, дорогой Борис Исаакович!

Вновь пишу по следам посещения краеведческого музея, где разглядывал графику на моржовом клыке.

Между прочим, не только клыки моржовые используются для поделок, но и иные части этого безобидного животного. Оказывается, у моржа детородный орган тоже из кости, во что трудно поверить. Органы эти в большой цене, и их стараются привозить на материк. Говорят, лучшего сувенира не придумать. Оставляя прочее, все обсуждают подарок, строят догадки и предположения, воображают, что и как происходит, при этом жалеют моржих...

Я увидел эти удлиненные предметы неожиданно. В музее стоит небольшой столик на оригинальных и не совсем ровных ножках. Стал я разглядывать эти ножки и поинтересовался, из чего они сделаны. Оказалось, из «мужского достоинства моржа», проще говоря, из моржового хрена. Вот у вас есть журнальный столик, за которым мы пьем чай. На него я бы не рискнул поставить что-нибудь тяжелое, а на тот, что в музее, можно хоть садиться, столь прочен он и устойчив.

Почему природа так устроила? Кто-то считает, что, поскольку моржи постоянно пребывают в ледяной воде, их детородный орган без костяной основы будет ни на что не годен. Иные думают, это оттого, что у моржей не развиты передние конечности, вместо них — ласты, и, если еще член их будет, как говорится, ни рыба ни мясо, бедному животному вообще никакой жизни не будет. Не знаю, что там на самом деле, но спросить не решаюсь: тема деликатная, а музейные работницы объяснить ситуацию с моржом никак не догадаются. В будущей книге я этой

темы избегу, чтобы не вызывать нездорового интереса к моржам, которых здесь и так не щадят. Но в письме к Вам, дорогой Борис Исаакович, о столь важном с искусствоведческой точки зрения объекте умолчать не могу. Без этого панорама Чукотки будет неполной. Может, мне удастся приобрести пару-тройку таких «достоинств», и я привезу их в Москву...

Если миниатюрную скульптуру относят к древнему искусству, то графика на клыке — искусство новое, возникшее только в конце прошлого века. Предназначалась она исключительно для американцев как сувенирная продукция. А популярный пеликен, маленький божок, фигурки которого продаются в анадырских магазинах, — вообще изобретение американца. Некого Билли Кена. Он сумел внести в исконно чукотскую традицию американский размах. В итоге фигурка «вернулась» на Чукотку под названием «пеликен» (так эскимосам и чукчам слышалось имя американца) и в иерархии сувенирной продукции занимает одно из первых мест. Слово матрешки, пеликены выстраиваются в витринах, хотя внешне они больше походят на гигантских истуканов с острова Пасхи. Есть пеликены огромные, больше пачки сигарет, довольно гадкие, хихикающие и зубоскалящие. Но есть милые, пузатые, бесхитростные, а главное — маленькие, величиной с фасоль. Такого пеликенчика на шнурке из оленьей кожи мне подарила маленькая чукчанка из Билибино. Пока нахожусь на Чукотке, буду его носить, но, как только вернусь, сниму: наш с Вами Господь уж такой ревнитель, такой ревнитель...

Кстати, я спрашивал о пеликене одну старую чукчанку. Она ничего о нем не знает.

Прежде чем расскажу о графике, остановлюсь вот на чем. Когда-то Ермак, легендарный покоритель Сибири, послал в подарок царю двадцать шкурок чернобурой лисицы. С 1821 по 1841 год хозяйничавшая здесь Российско-Американская компания вывезла этих шкурок 16 513. В книге Гартвига

«Природа и человек на Крайнем Севере» (1866) приводятся данные среднегодового вывоза этой компанией с территории нашего северо-востока: 1161 шкурок морской выдры; 16000 морского котика; 900 чернобурой лисицы; 8029 бобра; 1070 морской выдры; 1279 чернобрюхих лисиц; 2246 рыжей лисицы; 667 белого песца; 243 медведя; 201 рыси; 78 росомахи; 789 речной выдры; 810 американского соболя; 236 ондатры; 10 волка. Кроме того — 325 пудов моржовых бивней и 92 фунта китового уса. На территориях нашего Севера соболя ежегодно добывалось до 45 тысяч шкурок; горноста в 1840 году вывезли в один только Китай — 176 200 шкурок! А сибирской белки ежегодно вывозили до 15 миллионов! Большая часть этого товара вывозилась в Охотск, а оттуда в центральные районы России и в Петербург.

Это было в первой половине прошлого века. А уже со второй половины на Чукотке все больше хозяйничали американцы. Помимо моржовых клыков, китовых усов и пушнины, они пронюхали про здешнее золото. В 1908 году за две недели они добыли неподалеку от Анадыря три пуда. Это по три с половиной килограмма в день! Билибинский ГОК добывает пять, и считается, что это неплохо. Так ведь, кроме золота, американцы вывозили рыбу и оленину, причем такими темпами, что местному населению ничего не оставалось. Взамен привозили разные цацки вроде бисера. Наивные туземцы и этому были рады. Ладно бы только бисер! Американцы бочками завозили спирт и спаивали население. Это продолжалось и после установления советской власти, которая на первых порах была не в состоянии оказать сопротивление.

Я пришел в ужас, когда узнал о том, что здесь творилось. Мне казалось, что в далекой тундре, кроме кочующих племен, никого не было, что край этот был глух, нем и совершенно неведом миру. Ничего подобного! И в прошлом, и в нынешнем веках на Чукотке без ограничений действовали всевозможные организации и концессии, среди которых особенным хищничеством отличалось Северо-Восточное Сибирское общество во главе с

американцем Свенсоном. В двадцатые и даже в тридцатые годы американцы, англичане, японцы отсюда не вылезали. С ними заодно были и наши «предприниматели». Между этими хищниками, в сравнении с которыми полярный волк — агнец, находились тщедушные северные народы. Береговые чукчи и эскимосы разговаривали по-английски, а дети наиболее состоятельных из них учились на Аляске. Даже законы в этих местах устанавливали американцы. Чукчи-посредники давали оленеводу за двадцать пыжиковых шкурок двадцать швейных иголок. Соотношение стоимости - пятьдесят к одному! Песца у охотника покупали за пять рублей, а продавали скупщикам за тридцать. За одну сушку (даже не бублик!) посредник брал белку. Я даже не знаю, какое слово подобрать, чтобы охарактеризовать то жуткое положение, в котором оказались чукотские оленеводы, рыболовы и охотники. Американцы вели себя на Чукотке так же, как у себя в отношении индейцев. И, конечно, вывозили, вывозили, вывозили... Прошли времена ярмарок, когда гордый торговец-чукча продавал товар русским купцам с острия копья.

Потом на Чукотку пришла советская власть. Установила новые законы и порядки. Чукчи и эскимосы заговорили по-русски, а их дети стали учиться в советских школах. Началась классовая борьба, раздуть которую наши миссионеры в штатском были горазды. И опять — вывозили, вывозили, вывозили... Золото, пушнину, оленину, кости мамонтов, клыки моржа - все, что только можно. Вывозили и самих аборигенов. Обучали их нашему языку, нашей науке и, конечно, нашему искусству.

И что же? Может, от вывозимого золота, пушнины, нефти, никеля, алмазов и прочего, чем богат Север, богатели чукчи, эскимосы, эвены, юкагиры — наподобие того, как разбогатело население Кувейта или Саудовской Аравии? Как бы не так! Шагающие в торбасах по таблице Менделеева северные народы — от Кольского до Чукотского полуострова — не просто нищие: они вымирают.

Какой толк от добытого золота и от продажи нефти? В чем выражается пресловутое богатство Сибири? Ведь полностью не газифицирован даже Салехард — столица Ямало-Ненецкого округа, добывающего более половины российского газа и нефти! Какой прок от алмазов, платины и прочих драгоценностей? Где и в чем это вывезенное богатство? Уж не в сникерсах ли, которых на Чукотке в избытке?

Ну хорошо. Вывозили все это в центр страны, на так называемый материк. Так, может, за счет грабительской экспансии разбогатели русские, украинцы, белорусы, казахи?.. Тоже нет. И те, и другие, и третьи, и прочие могут спорить до хрипоты, кто из них более нищий. И, знаете, никогда не выяснят.

Все это добро уходило за рубеж, в обмен на доллары, которые наши чиновники публично ненавидели и втайне любили. Не надо было рисковать и американским бизнесменам: тащиться за тридевять земель в холодные пустынные края и вербовать в посредники алчных алитетов. Посредник нашелся лучше некуда — наше государство, время от времени меняющее кумач на триколор, звезды на орлов, но в сущности остающееся прежним. Это его полномочные представители соперничали между собой за право вбить колышек, поставить вышку, раскопать сопку, спилить дерево...

Что делать с этим «наследством» нынешним начальникам Чукотки? Как выбраться из вековой трясины грабежа, насилия и беззакония? Где найти силы и средства, чтобы остановить распад и спасти огромную часть России, которая, кажется, не нужна уже и мародерам?

Дорогой Борис Исаакович, в конце семидесятых я несколько месяцев работал на стройке под Сургутом и только раз видел живого ханта. В 1959 году к северо-западу от Сургута было 62 национальных поселка. Теперь остался один! Думаете, на Чукотке по-другому? Простите, но я должен об этом кому-то сказать. А то мы все об искусстве да об искусстве...

Кстати, а каким в этой ситуации могло быть искусство? Могло ли оно сохраниться, если вторжение в жизненный уклад северных народов было столь всеобъемлющим? Я даже не знаю: графика на моржовом клыке — народное искусство или это продукт социальной деформации? Ведь графические изображения на моржовом клыке появились, существовали и до сих пор существуют как сувенирная продукция, рассчитанная на пришельцев. Мы ли это будем, американцы или японцы, не важно. Важно, чтобы за нее платили.

И платят, и будут платить, потому что графика на моржовом клыке завораживающе прекрасна.

Расписанный в нежных, неброских, плавных тонах, тщательно обработанный клык сам по себе интересен и привлекателен. Глядеть на него — одно удовольствие. На нас, «цивилизованных», производит впечатление еще и то, что это часть огромного и недоступного животного, обитающего в далеком северном море. Этим клыком он распахивал берег при передвижении, вспарывал брюхо сопернику и, уж точно, ласкал моржуху. Затем клыком завладел охотник и отдал его в мастерскую Уэлена или Инчоуна. Там его обработали, отполировали до зеркальной поверхности и передали художнику-граверу. Он нанес на клык рисунок, выгравировал его специальным инструментом и затем раскрасил.

Если миниатюрные скульптуры передают пластику северного человека, то гравировка на клыке повествует о его жизни. Можно сказать, что каждый гравированный клык — это своеобразная книга, включающая самые разные сюжеты, в том числе придуманные, воображаемые или желанные. Я видел клык с изображением Ленина. Он сидел на пригорке, в накинутом на плечи пальто, в окружении чукчей и, видимо, рассказывал им о революции. Быть может, есть клыки, на которых запечатлено пребывание на Чукотке Пушкина или Льва Толстого. Ведь если Чукотку посещали видные советские художники, литераторы и

работники искусства, то чему-чему, а фантазии нашей реалистичной они местных умельцев научили.

И все же главное, о чем повествуют изображения на клыке, — это быт северных народов, их повседневная жизнь: тяжелая, полная опасностей и тревог, на берегу и на море, зимой и летом.

Вот клык, на одной стороне которого изображена охота на кита...

Огромный морской зверь, для которого утлое суденышко что щепка, ударил хвостом, и охотники вмиг очутились в ледяной воде. Скорее всего, они обречены. Метатель гарпуна, несмотря на то что выброшен в море, не выпускает веревку. Раненый кит увлекает его в морскую пучину. Идет охота. Та самая, изначальная, жестокая и священная, что дает прокорм и обеспечивает жизнь. Изображена лишь первая фаза трагедии, у которой будет печальное продолжение. Гибель охотников может привести к гибели и их семьи. Если не добыт кит — долгую зиму в поселке не будет пищи. Нередко китовое мясо является единственным прокормом. Возможно, за жестокой схваткой наблюдают, стоя на высоком берегу, старики и дети. Трагедия происходит у них на глазах, но они не в силах помочь. Лишь спустя годы страшные и горькие воспоминания об этом роковом дне свидетель отразит на клыке, и благодаря ему мы узнаем о беде, случившейся на побережье северного моря.

А на другой стороне клыка изображена жизнь на берегу. Возможно, в то же самое время. Оставшиеся в поселке не ведают, что происходит на море, и всецело заняты тяжелым трудом. Вот женщины направляются в тундру собирать корни и листья, без которых не обходится ни одно национальное блюдо. Впереди опытная чукчанка, кажется, знающая о тундре все. Она рассказывает девушкам о чудодейственной пользе того или иного растения, а заодно знакомит их с окружающим миром, показывает озера, реки и сопки — вспоминает легенды и предания. А молодые стараются уловить каждое слово, интонацию, даже малейшую нотку. Как скоротечно лето в тундре, так скоротечна и сама

жизнь, и вскоре уже они поведут за собой подросших девочек и будут рассказывать им то, что слышат сейчас. И так бесконечно...

А другие женщины в это время обучают щенков. Из этих забавных и милых существ вскоре вырастут надежные и верные помощники, готовые ценой собственной жизни спасти хозяина. Собак особенно кормят, учат, обкатывают на небольших нартах, доверяют возить детей по поселку, а потом подросшего щенка могут впрячь и в настоящую упряжку, рядом с опытным псом или даже с вожаком, и уже вожак будет учить вчерашнего щенка законам и правилам тундры. Вот и здесь все построено на преемственности.

Сюжеты для графических изображений чукотские художники берут из воспоминаний детства, из рассказов старших, из богатого чукотского фольклора. Я рассматривал гравированный клык, на котором изображена довольно жестокая сцена охоты на диких оленей. Мастер-косторез заимствовал сюжет из одного полузабытого рассказа столетней давности.

...Во время весеннего хода стадо оленей, ведомое умным и осторожным вожаком, обошло засаду, устроенную юкагирами, и небольшое племя было обречено на голодную смерть. Лето пережили немногие. Наступило время осеннего хода, когда, возвращаясь на место зимовки, олени должны были переправиться через Анюй. Теперь от охоты зависело само существование народа. Голодные юкагиры притаились в засаде и старались не дышать... Наконец, огромное стадо подошло к реке...

(Первая сторона клыка): «...Раздался на берегу топотъ, затемъ храпъ и сопенье уставшаго стада, потомъ, спустя минутъ пять, разнесся некоторый плескъ, — это вожакъ попробоваль переходъ; опять черезъ некоторое время плескъ, и потомъ еще, и еще, и зашумели, и покрылись воды Анюя безчисленнымъ количествомъ несчастныхъ головъ. Въ одно мгновение вылетели юкагиры на своихъ маленькихъ, легкихъ лодкахъ прямо

навстречу имъ, въ одно мгновеніе засверкали надъ головами ножи и стрелы, и началась схватка, кровожаднее которой нетъ и названія. Съ быстротою молніи стучали ножи по черепамъ и ребрамъ, съ гикомъ и крикомъ бросался юкагирь отъ одного оленя къ другому; олени защищались рогами, зубами и задними ногами, самки старались передними ногами прыгнуть на край лодки; одна лодка опрокинулась, и юкагирь тонулъ, но, ухватясь за сильнаго оленя, онъ вдругъ пронесся съ нимъ на берегъ, положивъ его однимъ взмахомъ на берегу, и снова былъ на воде и снова блисталь его ножъ направо и налево. Бой продолжался, не смолкалъ. Иной охотникъ ложилъ шестой, седьмой десятокъ, другой переходилъ и за сотню, и волны Анюя, пенясь, окрасились въ темно-красный цветъ, и кровь струилась у береговъ. Убитыхъ возили юкагиры на особыхъ челнокахъ и связывали ихъ ремнями, раненые приплывали къ берегамъ и делались добычею стрелковъ; и на волнахъ, и на берегу кипела адская резня; и стукъ роговъ, и крикъ охотниковъ, и смертный храпъ оленей, — все за одно сливалось въ какой-то хаосъ, и далеко шель гуль и стонъ по всей пустыне...»

(Вторая сторона клыка): «Въ кочевье была возня, суматоха; женщины и дети бежали изъ него смотреть бой; голодныя собаки летели стремглавъ лизать дымящуюся кровь; и все радостно трепетали при виде этого давножданнаго зрелища, и у всехъ было одно чувство — жажда мяса и крови. Юкагирь насчитывалъ на свой чумъ, на свою семью, по сто, по полтора ста штукъ, которыхъ онъ убилъ въ какихъ-нибудь полчаса, и, наевшись после боя вплотную, онъ завалился теперь, наконецъ, на богатырскій, долгій зимній сонъ, а жена принялась за уборку и стала одна работать съ утра до ночи...»

Конечно, не вся графика столь кровава и трагедийна. Гораздо больше картин мирных, добрых и светлых. Для этого чу-

котские художники изображают жизнь даже внутри яранги, как бы «просвечивая» жилище, делая его прозрачным. И тогда мы видим, как заботливая бабушка укладывает внука спать, накрывая его мягкой пыжиковой шкурой. И пока тот не уснул, она, не спеша, нежным северным голосом рассказывает ему сказки.

О-о-о! Это необычные сказки, лишённые откровенных назиданий и уроков. Послушайте одну из них...

КУРКЫЛЬ И ЛИСЯТА

Жили-были вороны Куркыль и Митенеут. Были у них дети. Неподалеку жила другая семья: лисица с лисятами. Как-то раз пошли лисята на берег моря собирать морскую капусту и увидели убитую нерпу. Хотели забрать, но появился Куркыль. Лисята сели на нерпу, чтобы закрыть ее от ворона.

«Что это у вас?» — спросил Куркыль.

«Плавник», — ответили лисята.

«А разве бывают у плавника глазки?»

«Бывают».

«А бывает у плавника шерстка?»

«Бывает».

Видит Куркыль, что непросто согнать лисят с нерпы. Стал хитрить: «Подойдите ко мне, поищите у меня блошек».

«Я не могу, глазки болят», — сказал старший.

«И я не могу. У меня тоже глазки болят», — поддержал его средний лисёнок.

А младший не удержался и соскочил со своего места. Куркыль изловчился, схватил нерпу и улетел. Остались лисята без еды. Зато Куркыль сытно поужинал. Разозлились лисята, встали среди ночи, подкрались к яранге ворона, набрали грязи и набросали в котел с остатками нерпичьего мяса.

Утром Куркыль как только проснулся, позвал жену: «Митенеут, налей-ка мне бульону и принеси мяска».

Зачерпнула старая ворона из котла бульон и принесла мужу. Попробовал Куркыль еду и рассердился: «Знаю, кто мне испортил обед! Это дети лисы. Всех поубиваю за это».

Схватил копье и побежал в соседнюю ярангу. Видит, играют лисята как ни в чем не бывало и не обращают на него внимания. А младший, заметив Куркыля, закричал от радости: «Смотрите, дедушка пришел!» Окружили его лисята и давай петь песенку про веселого соседа:

И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок! Хэй!

И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок!

Тут и прошла вся злость у Куркыля. Забыл даже, зачем прибежал. Стал играть с лисятами. Так играл, что устал и захотел спать. Проводили его лисята в ярангу, а сами вернулись к матери. В с ё.»

Так художник-гравер «приоткрыл» ярангу в далеком Нунямо, и я увидел бабушку, рассказывающую внуку сказку. Когда мальчик подрос и ему исполнилось десять лет, он вспомнил сказку и пересказал ее собирателям фольклора. Сказка вошла в небольшую книжку и спустя тридцать лет перекочевала в мое письмо к Вам. Давно уже нет поселка Нунямо, скорее всего, не осталось в живых бабушки, неизвестна судьба памятливого мальчика, но остались от них Нежность и Правда, запечатленные в небольшой книжке и на гладкой поверхности клыка.

Из книги К.Николаева

«Голоса новой России». Магадан, 1980:

«В 1931 году М.Вуквол вступил в комсомол. И когда через два года в Уэленскую мастерскую консультантом по художественным кустарным промыслам приезжает

опытный художник А.Л.Горбунков, райисполком прикрепляет М.Вуквола к нему переводчиком. Убедившись в замечательных способностях юноши, русский художник попросил исполком ввести Вуквола в штат мастерской в качестве инструктора-практиканта. В течение двух лет Вуквол работает в этой почетной должности, а в августе 1935 г. назначается инструктором райисполкома по художественным кустарным промыслам.

В 1936 году М.Вуквола направляют в Москву для знакомства с коллекциями отечественного и зарубежного изобразительного искусства, а затем поручают роспись портала для выставки "Народное творчество" в Государственной Третьковской галерее. В 1937 году талантливый косторез закончил эту монументально-декоративную работу и переехал в Ленинград, поступив учиться в Институт народов Севера. В этот же период Вуквол в журнале "Народное творчество" публикует оригинальное литературное произведение "Чукотская легенда о Ленине", а затем делает гравировку на клыке на ту же тему...

Вот как оценивает художественные особенности этой гравировки искусствовед Ю.Широков, длительное время проживший на Чукотке: "Удались художнику эпизоды сказочной встречи Ленина с чукчами. С наивной достоверностью подлинно народного произведения Вуквол изображает В.И.Ленина едущим на оленьей нарте, выступающим перед охотниками на морском берегу. Как за трибуной, стоит Ильич у огромного китового черепа..."

...Фольклор народов Чукотки содержит несколько вариантов сказочного сюжета о том, что Ленин будто бы ходил по земле Северо-Востока и встречался с бедняками-оленеводами, мужественными охотниками на морского зверя. Чукотская поэтесса (А.Кымытваль) отказывается от сказочного сюжетного хода. Ее встреча с Лениным реальна:

пройдя с другими людьми в очереди по Красной площади, она спускается "по каменным ступеням в Мавзолей". И здесь происходит мысленный разговор лирической героини с Лениным.

*Здравствуй, Ленин!
Здравствуй, славный вождь!
Здравствуй, человек простой и мудрый!
Я оттуда, где пурга и дождь, —
Из чукотской заполярной тундры.*

...Но стихотворение не имело бы той эмоциональной силы, которой оно обладает, если бы лирическая героиня произнесла лишь монолог. В любой встрече двух героев очень важным является реакция, ответ того, к кому считает важным обратиться герой...

*Ничего Ильич не говорил,
Лишь светилось радостью лицо:
"Верю твердо в ваше счастье, люди,
Подождите — то ли еще будет!.."»*

**Из книги П.Зайдфудима и Ю.Мизуна
«Российский Север. Проблемы развития»:**

«С переходом к рыночной экономике количество лиц, занятых в производстве, стало сокращаться. Это процесс затронул 21 народ Севера из 30. Наиболее резко сократилась численность занятых эскимосов (-30,9%), чукчей (-28,6%), саами (-22,1%), ительменов (-19,5%). Только за 1992 год число занятых аборигенов уменьшилось почти на 10%. В результате в настоящее время до 25-39% трудоспособного населения являются практически безработными. Многие из них имеют нерегулярные

средства к существованию за счет сбора дикорастущих растений, рыбной ловли, охоты. Особенно велик уровень безработицы среди молодежи и женщин».

РАТОМГЫН (Веселый сосед)

*Стихи М.Вальгиргина
Музыка И.Тымкыля*

*Кынур лыген пычекалгын
Пэнин ингыгьевыльын.
Ынпыначгын ратомгын,
Накам экытликыльын.
И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок! Хэй!
И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок!*

*Накам ныпычвэтгавкэн,
Эмтэленкинэткульын.
Конпы пэнин лымнылыльын,
Авэтгавталпыкыльэн.
И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок! Хэй!
И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок!*

*Амкынъычо ынпыначгын
Пэнингинык ванэльын,
Нымигчиркин ратомгын
Кэйвьэм нан лыплявтыльын.
И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок! Хэй!
И-я-я, и-я-я, и-я-я, хок!*